

Александр
Котыф

Принцип
нечетности тапка

Александр Котляр

Принцип нечетности тапка

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4961383
«Принцип нечетности тапка»: Книга-Сефер; Тель-Авив; 2011
ISBN 978-965-91770-0-4

Аннотация

Фантазмагорическая история написана профессором Тель-Авивского университета, работающим в области нанотехнологий. С этим связано присутствие в истории научно-технологических терминов. Повествование искрит удивительным юмором, иронией, наполнено философией и магией. Главным действующим лицом повествования является высокоучёный говорящий кот Шелег. Он без умолку рассказывает сказки, небылицы, в гротескной форме высмеивает людские обычаи, отношения в семье, творчество известных писателей и философов.

Содержание

От автора	4
Глава 1	8
Глава 2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Александр Котляр

Принцип нечетности тапка

От автора

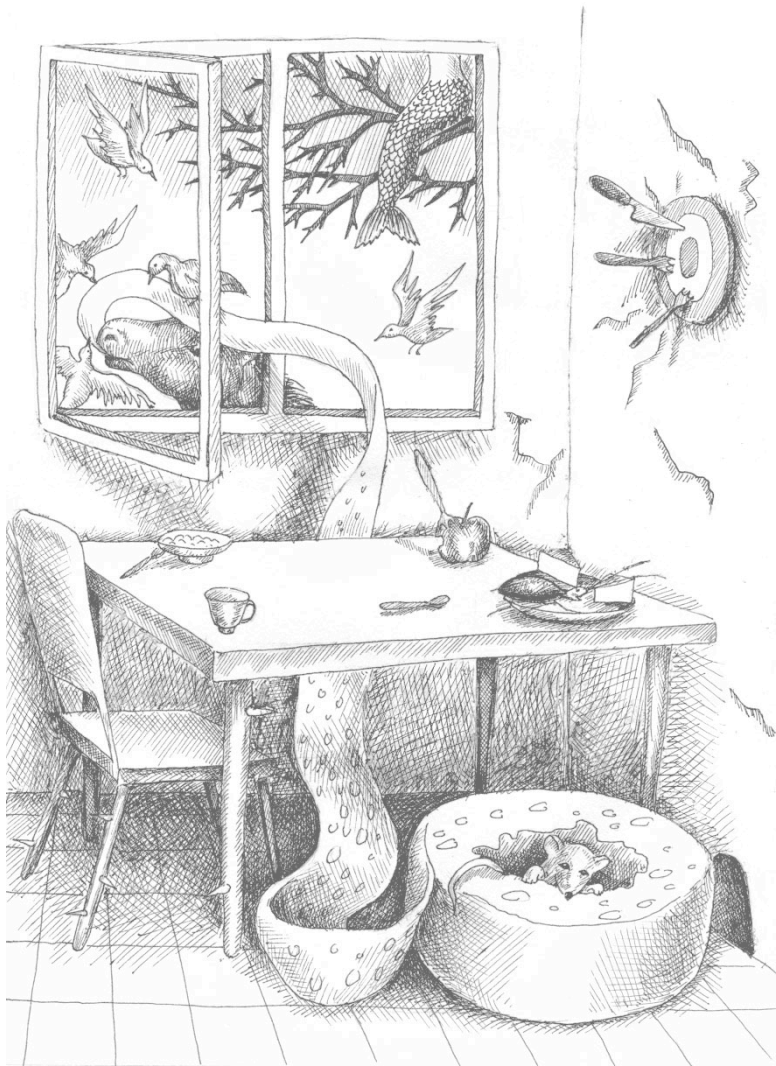

Я родился лишённым права на адекватное отображение реальности. Есть дети, из – под карандаша которых ровной линией выползают паровозы, самосвалы, гружённые божьями коровками, новогодние ёлки, украшенные шарами. Они просто передвигают карандаш, и изображения графитовой пудрой сами стелятся на бумагу. Передвигал и я, но мои рисованные образы вызывали у родителей подозрение, и они повели меня к главному врачу.

Доктор вынес страшный вердикт – Астигматизм. Что можно ждать от ребенка, у которого искривлена внутренняя ось глаза? На меня одели очки, заклеили правое стекло пластырем и заставили левым, искривленным глазом смотреть на бусинку, подвешенную перед лампой. Было неприятно, глаз слезился, но ось выпрямлялась. Ранее сутулые дома, вытянулись, как в эпилептическом припадке, горизонт распрямился. Зрелище прямоугольного порядка поразило и расстроило меня. Мир астигматика интересней, чем прагматика. Он не изуродован ровными углами. «Невероятно, он видит, видит неискажённо. У него выпрямилась ось!» – кричал в пароксизме восторга окулист. А я сидел в кресле и атропиновым глазом вновь видел любимые нечёткостью изображения. Но действие атропина заканчивалось и приходилось возвращаться в мир прямых углов и непересекающихся параллельных.

С тех пор прошло много лет. Жизненный путь прорытым кем-то окопом, вёл меня. Мне пришлось подолгу работать

за компьютером, сжигая глаза электронными лучами монитора, и... ось вновь искривилась. Детский мир, мир астигматизма вернулся ко мне дерзкими искажениями пространства, пространства без прямых углов.

Глава 1

Кошачий бред

Большой белый кот Шелег с виду ничем не отличался от среднестатистического кота. У него были четыре когтистые лапы, два жёлтых глаза, хвост и одна голова. Он, как и всякий уважающий себя представитель кошачьей породы, умывался по утрам, протирая тыльной стороной лапы мордочку, трубой вытягивал хвост и выгибал спину от страха или восхищения, сворачивался калачиком и закрывал глаза, когда уставал от чтения. Он отличался от других котов тем, что не мог не рассказывать о прочитанном. Поэтому, когда в семье появился ребенок, заботливые родители, Заждан и Хана, повезли усыплять кота.

– Он не выглядит смертельно больным, – сказал ветеринар, бегло взглянув на белого кота, – в чём причина дематериализации животного?

– Чего, чего? – спросил Заждан. – Мы прививку против бешенства уже делали, мы его убить принесли, гуманно.

– Я и спросил, – в чём причина лишения жизни?

– Он опасен для младенца.

– Царапает? – поинтересовался ветеринар.

– Нет, сказки рассказывает. Представьте, доктор, сидит на люльке и рассказывает.

– Кто рассказывает?

– Не я же. Он, – и Заждан показал пальцем на Шелега.

Шелег тем временем безучастно бродил между пузырьками с усыпляющими ядами и грустно бормотал:

– Введут внутривенно, и как будто усну – это у них называется гуманная смерть. Тиопентал, панкурониум в смеси с хлоридом калия остановят сердце белого кота.

– Вы слышите, что он говорит? – обратился Заждан к ветеринару.

– А что плохого в том, что он ребёнку сказки рассказывает? – поинтересовался ветеринар. – Кстати, почему у вас такое странное имя, Заждан? Была у меня пациентка бабуин-девочка, её Сушкой звали, забавно, правда? А чтобы Заждан... экзотическая кличка.

– Моя мать начала ждать меня за два с лишним года до моего фактического появления на свет, теперь понятно? Пойдем, Хана, здесь нас не обслуживают, Сушка, девочка-бабуин... – недовольно проворчал Заждан.

Супруги вышли из кабинета, за ними понуро плёлся неубитый Шелег.

– Ничего не доделают до конца, терминальный виток эволюции, тупик. Взяли палку в лапу и принялись калечить приматов, массовое уничтожение себе подобных. И не труд во все, а палка сделала из обезьяны человека. Тупик, засыхающая ветвь, тиопентал, панкурониум...

Мышь лежал на спине, симулируя клиническую смерть.

– Когда он подойдёт совсем близко, я конвульсивно задёргаю задними лапками, давая понять, что надежда на воскрешение ещё есть, – обдумывал тактику Мыш.

– Бедный, пал смертью голодных, – сказал Шелег, приблизившись к Мышу. – А вдруг его ещё можно вернуть оттуда, откуда никто не приходил?

Шелег принёс кусок сыра и переложил мышиную тушку на маслянистую дырчатую подстилку. Мыш одобрительно задёргал задними лапами. Кот расчеширился улыбкой, восторг разметал его вибриссы в стороны.

– Сработало, умершего можно вернуть к жизни, положив на сыр, – и Шелег смрадно дунул на воскресшего для закрепления успеха.

Мыш дёрнулся, истошно запищал, вскочил на лапы и пулей исчез в дырке под батареей вместе с сыром.

– Странный он сегодня, может, на него Заждан нечаянно наступил, а может и преднамеренно, – подумал Шелег.

В детской заплакал Малыш. Кот вскочил на спинку кровати и замурылкал:

– Ядерная катастрофа планеты неизбежна. Не вызывает сомнений, однако, что устойчивые к радиации особи выживут и станут праотцами и праматерями новой постядерной формации. Ребёнок перестал плакать.

– Репарация – способность клеток исправлять разрывы в молекулах ДНК, вызванные повышенной радиацией. Именно репарация возродит биосферу, на планете вновь запоют

птицы, зарычат хищные звери. Р-р-р-р-р-р! – заорал он с кошачьим акцентом, дугой выгнув спину.

– Ты слышишь, что он рассказывает? – спросил Заждан.

– Пусть рассказывает, может, ребёнок слова различать научится, – ответила Хана.

– Это не слова, а бред кошачий, – возразил Заждан и пошёл досматривать футбол.

– Сам бы с сыном поговорил что ли, а то один футбол на уме.

– А о чём с ним говорить? Он даже названий команд не знает. Я состариться успею, пока он истинным ценителем станет. Раньше рожать надо было – вместе бы уже болели.

– А ты ему рассказывай про матчи, про то, кто забил голы, кто пропустил – вот он и привыкнет.

Заждан безнадёжно махнул рукой и вышел из комнаты. Он мог часами безмолвно следить за перемещением по экрану пронумерованных фигурок и потешно шевелить губами. В отличие от Заждана Шелег говорил. Если кот молчал больше часа, его правое полушарие сводило болью, а левое веко начинало судорожно дёргаться.

– ...и тогда на берег выбросило огромную рыбу, – вещал Шелег, распушив хвост, – рыба была огромная-преогромная – ты такой никогда не видел.

Малыш даже во сне не видел рыб. Ему снились огромные цветные шары. Они принимали причудливые формы, сливались и расползались в разные стороны.

– Рыбы в отличие от нас, млекопитающих, не могут дышать не в воде. Поэтому она стала задыхаться на воздухе и принялась конвульсивно бить хвостом о песок, и тогда, тогда началась страшная песчаная буря. Песок несло ветром, в нём тонули люди, поезда, города, целые материка.

Малыш вертел зрачками, Хана придвинулась к Шелегу и с интересом слушала про рыбу.

«Надо успеть отпрыгнуть от кровати, когда он войдёт. А то, решит, что я сошла с ума» – подумала женщина.

Мышь тем временем планомерно расширял дырку в центре сырной головки. Он знал, что если грызть от края по направлению к центру, то сыр быстро заканчивается и поэтому никогда не применял эту тактику.

– Какой глупец сказал, что масса предмета не зависит от способа его потребления? Недальновидный и тёмный человек, – рассуждал резчик по сыру.

– Грызешь философский камень? – пошутил таракан по кличке Творог. Кличку он получил из-за любви к молочным продуктам. Таракан не замечал на полу хлебные крошки, яблочные огрызки, изюмины, но, если обнаруживал сырный обрезок, кусок творожного пирога или сердцевину ватрушки, его радость не знала границ.

– Чем умничать, ответил бы лучше на один давно мучающий меня вопрос, – обратился он к Мышу.

– Опять про закон сохранения материи и энергии? Так это проще простого. Масса предмета зависит от способа его

утилизации.

– Да нет, не про массу. Я хочу понять, кто появился раньше в эволюционном развитии – мыши или тараканы.

– Конечно, мыши. Млекопитающие – прародители всего живого на земле. Извечный вопрос – что было раньше, молоко или млекопитающие – решается мышами просто. Раньше был сыр. Ты понял смысл сказанного? Кстати, сыр на халыву не хочешь? Не хочешь и не надо, – сказал Мышь, не дожидаясь ответа, – я два раза на халыву не предлагаю.

– Я не успел ответить, – грустно сказал таракан.

– Кто не успел, тому незачёт, не повезло сегодня, повезёт в следующем году, вот увидишь.

– Повезёт с тобой, конечно.

Творог понуро опустил усы и пополз на кухню доедать торт.

Хана, окончательно потеряв бдительность, слушала рассказ Шелега.

– И когда бóльшая часть суши покрылась песком, когда солнце спряталось за желтые тучи, на землю спустилась Песчаная ночь... – вещал, забывая дышать от переполнявших его эмоций, кот.

В комнату крадучись вошёл Заждан.

– А-а-а-а, застукал вас за кошачьим бредом! – заорал он.

Шелег замер, Малыш заплакал, а Хана стала виновато оправдываться.

– Ты не прав, он не всегда кошачий бред несёт!

– А какой? Кошка может нести только кошачий бред, и я не хочу, чтобы мой ребёнок, мой сын, слушал эти истерические мяуканья.

– Италия, конечно же, проиграла, – язвительно улыбнулся Шелег, – надо знать, за кого болеть. Я бы болел за Уганду... Уганда богаче Италии, как в природном, так и в этническом отношении. К тому же, в древности территорию Уганды населяли пигмеи и койсанские племена.

– А какое отношение эти корсары имеют к футболу? – спросил Заждан.

– Во-первых, не корсары, а койсаны, а во-вторых, ровным счётом никакого, в Уганде нет футбольной команды. Детская смертность, до взрослого доживает отнюдь не всякий появившийся на свет футболист-самородок. Малярия, брюшной тиф, тигры, наконец, естественный отбор, – сказал Шелег и, демонстративно выгнув спину, удалился на кухню.

– Ты слышала? Он неадекватен. И этому умалишённому зверю-фантазёру ты доверяешь своего ребёнка, – вздохнул Заждан.

Мышь нижним премоляром продолжал нарезать тонкую сырную полоску.

– Сырная нить такая длинная, что её можно протянуть из одного угла комнаты в другой, а кончик вывесить в окно, – размышлял он вслух.

– Кончик птицы склюют, – забеспокоился Творог.

– Ты не знаком с повадками теплокровных, птицы не едят

сыр. Если бы это был хлебный мякиш, тогда вмиг бы склевали, а сыр они в клюв не возьмут, – сказал Мыш и почесал для убедительности левой задней лапкой за ухом.

– А почему тогда птица из книжки сыр во рту держала, если она его не ест? – не сдавался Творог.

– Из какой книжки? В энциклопедии написано, что птицы кормятся семенами деревьев и такими как ты. Другим источникам информации я не доверяю. Книга про птицу с сыром наверняка была художественной, а, следовательно, не несла достоверной информации. В художественных книгах можно писать всё, что вздумается, – авторитетно заявил Мыш, – и страницы там не такие вкусные, как в энциклопедии. Энциклопедией бывает так зачитаешься, что с полки встать не можешь. А художественные – даже открывать не хочется, не то качество страниц. И обложка хоть и мягкая, но не вкусная, – добавил он поморщившись.

– А зачем тогда печатают литературу эту, если читать её невкусно?

– Те, кто пишут, о вкусе не думают, они движимы потребностью поделиться сокровенным со всеми. Они терпят, терпят, а потом в муках отторгают, кто нетленную историю, кто роман, а кто и философский трактат. Вот и Шелег, он даже когда очень хочет, молчать не может. Хорошо, что он карандаш в когтях держать не научился, а то пришлось бы корпус к библиотеке пристраивать.

– Верно, если бы Шелег записывал, то спасу от него не бы-

ло бы. А рассказ этот про сыр и лисицу очень в его кошачьем стиле. Надеюсь, не с его слов, – сказал таракан и с опаской посмотрел вокруг. – Там всё полная бессмыслица. Посуди сам: “...на ветку стаей взгромоздясь, собой в коня преобразясь, позавтракать совсем уж было собралась, но оцетинилась, а сыр во рту держала”.

– Кто держала? – спросил сбитый с толку Мыш, – ты, по-моему, неправильно процитировал. И вообще, зачем ей сыр, коню этому?

– Он им, по-моему, лису подманивал, на лис он охотился, – неуверенно пошевелил усами таракан.

Мыш не отставал:

– Кто «он»? Кто охотился?

– Конь, естественно, – ответил Творог.

– Интересная история, а чем она закончилась? Конь съел лисицу?

– Не помню, да и не важно это, важно другое, – Творог заволновался, – у Заждана к подошве тапка приклеился кусок тревожного пирога. Я уже третий день хочу им позавтракать, но боюсь, что раздавят.

– Во-первых, не тревожного, а творожного – учись правильно употреблять слова! А во-вторых, хозяин с дивана редко спускается в тапок.

– Он и тревожный тоже, – не согласился Творог. – Он, знаешь, как тревожит, я только о нём и думаю. А то, что тапки редко надевают, я и сам знаю. Но если по закону подлости

это как раз сегодня случится, что тогда?

– Сам знаешь что – будешь подклеен к подошве рядом с пирогом.

– Злой ты, – проскрипел хитином Творог, – нет, чтобы помочь другу перевернуть тапок пирогом вверх.

– Ладно, так и быть, пойдём переворачивать, а то резьба по сыру мне уже порядком надоела, – сжалился он над тараканом.

– А может, дашь кусочек ниточки сырненькой всё-таки? – Творог с надеждой посмотрел на Мыша.

Но тот жадничал:

– Appetit перебьёшь, пошли тапок переворачивать.

Они выползли из норы и осторожно подкрались к люльке. Хана с упоением слушала рассказ Шелега.

– Интересно, о чём он им рассказывает? – спросил Творог.

– Давай подслушаем, – предложил Мыш, и они заползли под люльку.

– Семейная жизнь, – вещал Шелег, – это изнуряющий процесс общения особей противоположного пола. Ты когда-нибудь задумывался о значении истинно народных выражений «супружеский долг» или «стерпится-слюбится», а, Малыш? Эти крылатые выражения прошли проверку временем и, следовательно, не могут быть ложными. Они отражают неприглядную картину межсупружеских отношений. Убойная сила этих слов поражает, как гарпун, пущенный могучей рукой китобоя.

– Поражает, поражает, как гарпун, – повторяла Хана и гладила спину Шелега.

Мыша и Творога рассказ про гарпун не заинтересовал.

– Я про рыб не люблю слушать. Вот если бы он про млекопитающих рассказывал – то я бы отсюда никуда не ушёл, а про китов мне не интересно.

– Киты – вовсе не рыбы, – сказал Творог.

– А кто они, птицы по-твоему? – улыбнулся Мыш. – Если у животного есть рыбий хвост, но нет ни хитина, ни шерсти, то это животное – рыба. Тебе понятно?

Творог слышал по радио, как диктор два раза повторил, что киты – это самые крупные млекопитающие на Земле. Это мешало принять на веру сказанное Мышом, но он не стал спорить:

– Понятно. Киты – это самые большие не насекомые, живущие на Земле.

– Ладно, пошли быстрее тапок переворачивать, – продолжил Мыш. – Надо успеть – летаргическое оцепенение рано или поздно заканчивается, и тогда... тогда приходится сползать в тапки.

Они вылезли из-под люльки и пошли в Комнату Смеха – так Шелег называл спальню Заждана и Ханы.

Заждан лежал на животе и звучно храпел.

– Вот он, правый, с пирогом, – сказал Творог, показывая усом на тапок. – Правый тапок отличается от левого тем, что когда его надевают на левую ногу, то жмут пальцы правой

ноги.

– Думаю, что, левой, всё-таки, – поправил Таракана Мыш. – И вообще, что ты можешь об этом знать? У тебя и пальцев-то нет, сплошной хитин.

– Пальцев нет, но есть умение приходить к неожиданно верным заключениям. Ты лицо Заждана, или что там у него по утрам, видел? Он часто тапки путает, поэтому до обеда грустный бродит.

– Не мог рядом поставить, засунул под левый, теперь вытаскивай его, напрягайся, – недовольно причитал Мыш.

– Он как диван видит, сразу, как подкошенный, падает, не расслабляя ступней. Тапки потом с него сами сваливаются, – пояснил Творог.

– Какая мне разница, что с него сваливается? Разорвал бы, если бы был размером ну хотя бы с мелкую рысь, – злобно проворчал Мыш, кося глазом на Заждана. Он оттащил тапок на середину комнаты, и обессиленный упал на ковёр лапами вверх.

– Оттащить – это лишь полдела, надо ещё перевернуть, – сказал Творог.

– Сами мы этого сделать не сможем, надо Шелега звать, – ответил Мыш.

Они вышли из Комнаты Смеха, снова забрались под люльку и стали ждать, пока кот закончит рассказ.

– И тогда жизнь, заклаустрофобированная пространством малогабаритной квартиры, превращается в фантазмагориче-

скую рутину, с зачастую несчастливым концом, – вещал тот, распушившись подшёрстком и выгнув спину. – А ревность, ревность, Малыш, это болезнь, страшная болезнь, она убивает чувства, а иногда и не только их. Вот Мавр, темпераментный южный мужчина средних лет, ведомый не лучшим в себе, преднамеренно прекратил поступление кислорода в свою жену. Я тебе рассказывал, что и рыбам, и млекопитающим кислород жизненно необходим. Жена же у мавра была родом из млекопитающих, поэтому, перекрыв вход в организм живительного газа, он стал невольной причиной остановки в женщине процессов жизнедеятельности. Вот если бы я родился Мавром, то не стал бы без крайней необходимости душить женщину, а повёл бы себя по отношению к ней, как толерантный индивидуум склонный к компромиссам. Я надеюсь, что ты, Малыш, мне веришь?

– Верю, верю, – шептала Хана и гладила кота.

– Шелег, Шелег, – шипел Творог из-под люльки.

Но Шелег не слышал. Он не умел слушать и говорить одновременно.

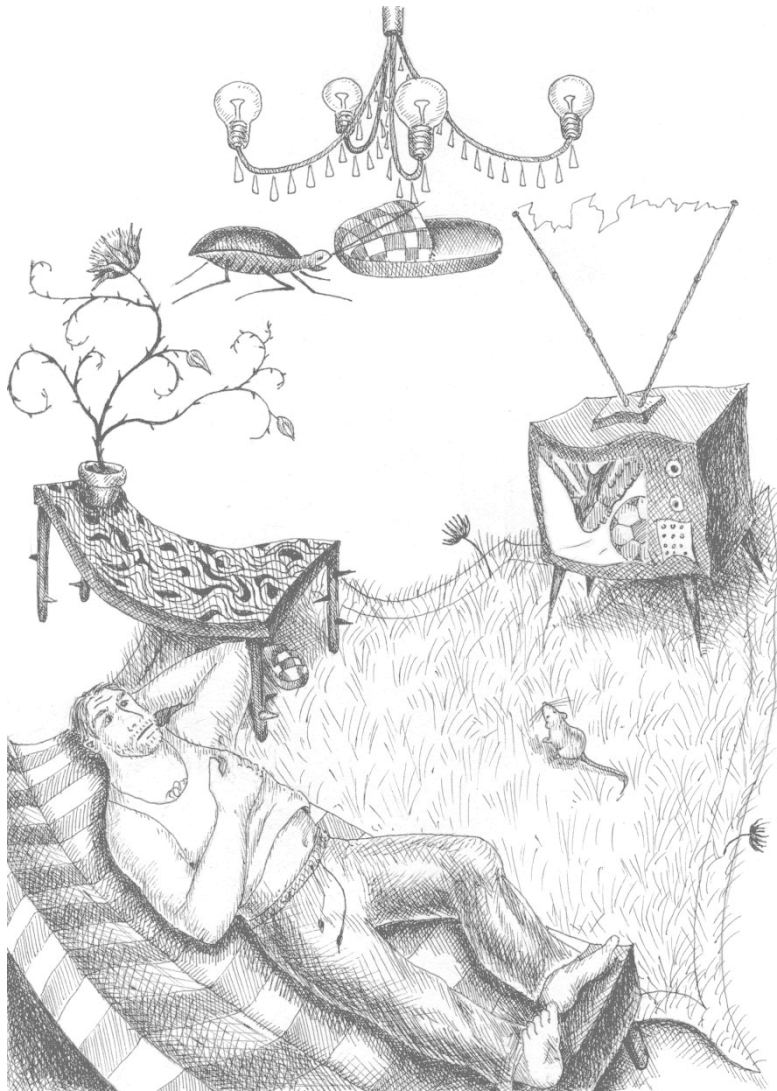
– Это может продолжаться часами, надо отвлечь его болью, – сказал Творогу Мыш.

Он залез на поручень детской кроватки, и изуродованным прикусом Белой акулы впился Коту в кончик хвоста, до хруста сжав челюсти. У Творога зачесался хитин, он съежился от чужой боли. Но Кот не почувствовал укуса, он искрил истинами:

– Среднестатистическая особь предпочитает оставаться в континууме привычной концептуальной модели. Только психически нестабильные гуманоиды с лёгкостью меняют представления о структуре пространства и времени. Причём, меняют не только свои представления, но и наши. Ну чем, скажите на милость, их не устраивала ньютоновская механика? Она проста и очевидна своей правотой. Ты, Малыш, вскоре сам убедишься в том, что яблоко падает с ветки вниз, а не взмывает вверх воздушным шариком. Рассуждения о релятивизме, массе покоя, о квадрате массы, помноженной на скорость света, заставляет учащённо биться лишь сердца кучки оторванных от масс индивидуумов...

У кота от болтовни свело чеширские мышцы, и он, с человеческой улыбкой на кошачьей морде и висящим на хвосте Мышом, спрыгнул на пол. Мыш разжал прикус, соскочил с хвоста и Шелег, наконец, почувствовал острую боль от укуса.

– Нам нужна твоя помощь, нам надо, чтобы ты перевернул тапок пирогом вверх! – заорал Мыш.

Глава 2

Вознесение тапка

Кот, таракан и мышь вошли в Комнату Смеха.

– Перевернуть тапок – задача не из сложных, поэтому я буду искренне рад вам помочь, – сказал Шелег. – Какой из двух переворачивать будем, тот, что рядом с диваном, или альтернативный?

– Альтернативный, – с уверенностью ответил Мыш.

– Удивительно неопрытен, – покосился Кот в сторону храпящего Заждана. – Уверен, что если бы он мог отстегнуть лапы, как брошенный Мишка, то разбросал бы их по всему дому, одну уронил в кухне, две другие подsunул под диван, а четвёртую... впрочем, у него, к счастью, их только две... и Шелега понесло рифмой:

*О, если бы могли Зажданы
С носками лапы отрывать,
Они не клали б их в кровать,
Не стали б у порога ставить —
Их по непарно разбросать,
Две под диван, одну на кухне...
Как хорошо, что лап не пять,
Но как с двумя с утра не рухнуть!*

Кот оцетинился, по его телу дрожью прошли волны, шерсть заискрила, как будто ею потёрли об эбонит.

– Разделение зарядов в подшёрстке, процесс, сопровождающийся искривлением локальных магнитных полей, в такие минуты проза отстывает:

*Вселенную на плоскости делить
Созвездием разлученных галактик...
Проекция на одномерность – нить,
По шерсти эбонитом – лучшая из тактик,
Пределом беспредела казнить —
Предметы двигать – быть или не быть, —*

мурчал Шелег, пытаясь силой паранормального сознания изменить трёхмерные координаты тапка.

– Обыватель, незнакомый с законами перемещения, наивно полагает, что паранормал меняет положение самого предмета по отношению к системе координат, – вещал Шелег, отторгая снопы искр. – На самом же деле всё происходит с точностью до наоборот. Чем я, по-твоему, сейчас занимаюсь? – обратился он к наблюдающему за перемещением Мышу.

– Ты переворачиваешь тапок пирогом вверх, – ответил за Мыша Творог.

– Ответ неверный, – парировал Шелег, – я пытаюсь переместить всю трёхмерную систему координат, при этом оставив тапок в прежней, понятно?

– Значит, мы все передвинемся вместе с системой этой с

осями «икс», «игрек» и «зет»? – догадался Мыш.

– Вот именно, молодец, – одобрительно кивнул Шелег. – Суть в том, чтобы оставить в прежней системе только тапок. Пошло, поехало, сдвинулось с точки, сейчас всё переместится до единого атома. Главное – тапок не сдвинуть.

И вправду, тапок поднялся и завис под люстрой.

– А зачем ты Творога вместе с тапком в другую систему перетащил? – поразился Мыш.

Шелег поднял голову вверх и увидел барахтающегося под потолком таракана.

– Я думал – ты более смыслённый ученик. Творог как раз остался в прежней системе координат вместе с тапком. Это мы передислоцировались – и ты, и я, и спящий, и левый тапок. Только правый, с налипшим на подошву пирогом, и Творог остались в прежней.

– Зачем ты всё-таки Творога в прежней оставил? – не унимался Мыш.

– Я лично доволен результатом перемещения, и меня раздражает от чувства выполненного долга. Ведь самое важное для Белого Кота – это доставить удовольствие друзьям, – довольно промурлыкал Шелег и ушёл в комнату к Малышу. Там он забрался под люльку и разбросал в стороны пушистые лапы. Рядом с ним примостился Мыш.

– Шелег, а почему ты не перевернул тапок лапой, а переместил всю координатную систему? – спросил он.

– Правой лапой чесать правое ухо и Заждан может, а ты

попробуй подойти к проблеме нетривиально, запутай задачу так, чтобы обычное решение показалось абсурдным.

– А как ты думаешь, Заждан не удивится, когда увидит, что тапок под потолком?

– Нет, он сонно пошарит левой рукой под диваном и, не найдя там тапка, откинется на подушку. Ты же знаешь, что он может часами спать с открытыми глазами.

– Но когда-нибудь он должен обратить внимание на летающий тапок и на Творога? – засомневался Мыш.

– Не думаю. Мы привыкаем изо дня в день видеть одни и те же предметы, и не концентрируем внимание на новом.

– А я думаю, что обратит – и не потому, что пытлив, а потому что у него замёрзнет нога. Он будет попеременно надевать тапок то на правую, то на левую ногу, но часа через два, методом «в лоб и ужимок» поймёт, что, не снимая тапка с левой ноги, невозможно надеть его на правую, – предположил Мыш.

– Не «в лоб и ужимок», а «проб и ошибок». Учись не коверкать выражения, значение которых не понимаешь. Закон сохранения четности тапка является универсальным, и его нарушение приводит к тотальной дестабилизации на квантово-механическом уровне. Система компенсирует, возникшую из-за нарушения чётности, асимметрию и умножает тапок «эн» раз. Умноженные тапки не обладают массой покоя, хотя с виду ничем не отличаются от тапка-матрицы.

– Так выходит Заждан, в своём невежестве, ближе к исти-

не, чем мы, напичканные знаниями. Это несправедливо, – грустно сказал Мыш. – А если квантово-механическое умножение тапка не произойдёт, что тогда?

– Тогда он поднимет глаза к люстре, увидит парящего Творога и заорёт: «Только летающих тараканов здесь не хватало! Мало нам котов говорящих, усыпить немедленно, к ветеринару!» Потом он побежит на кухню, достанет с полки баллон с жидкостью для растворения хитина, и станет её распылять. Творог, спасая хитин, заползёт в тапок. Вот тогда-то и начнётся.

– А что начнётся? На нас же эта жидкость не действует, у нас ведь в организме хитина почти не осталось, правда?

– У нас хитина совсем не осталось, мы с тобой очень далеко ушли от него в эволюционном развитии, – и Шелег кивнул головой в сторону парящего таракана.

– А всё-таки, что начнётся? – с опаской переспросил Мыш.

– Он вскочит с дивана в одном тапке и заорёт: «Где, этот фантазмагор, кошачий выкормыш, гильотину, электрический коврик, тиопентал, промедление смерти подобно!».

– Образно. Особенно мне понравилось «промедление смерти подобно», очень изысканное выражение для сапиенса в одном тапке с баллоном.

– Хотя жидкость в баллоне для нас и не смертельна, но сам баллон, брошенный опытной рукой варвара, может причинить вред мохнатой мишени. Так что лучше будет, если

мы на время санобработки уйдём из дома.

Кот, довольно урча, поднял хвост, демонстрируя необеспокоенность будущим, но Мышь не проникся кошачьей уверенностью и продолжал волноваться.

– А если всё будет по-другому, если Заждан так и не заметит тапка? Давай просчитаем и эту ситуацию. Ведь только в борьбе противоположных альтернатив рождается правдивая истина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.